

Разве мы не просто перекусить? Как же мы оказались на храмовой ярмарке? В огромном дворе теснились небольшие строения, а также множество навесов, установленных под открытым небом. Повсюду торговали мелкие лавочники: одни продавали закуски и фрукты, другие — напитки и чай, третьи — игрушки всех цветов и форм. Можно было даже увидеть палатки с парикмахерами и продавцами лекарств! Взгляд захватывала толпа людей, громкие звуки барабанов и гонгов, яркие вывески, стоявшие так плотно, что голова шла кругом!

Какой сегодня праздник? Неужели весь Аньян сбежался сюда? В таком месте легко заблудиться! Прямые дороги Чжэнь Цюнь еще мог пройти, если ошибся, можно было просто развернуться. Но в этом лабиринте извилистых улочек он не хотел рисковать.

Возможно, заметив растерянность Чжэнь Цюня, Хань Мяо улыбнулся и взял его за руку:

— Брат, иди сюда.

— !!!

Внезапно схваченный за руку, Чжэнь Цюнь хотел было вырваться, но, опасаясь потеряться в толпе, крепко держался за Хань Мяо. Вскоре они вошли в небольшое здание.

Здание было двухэтажным. На нижнем этаже, на сцене, стояла женщина в роскошном наряде, что-то напевая. Хань Мяо даже не взглянул на нее, сразу повел Чжэнь Цюня на второй этаж. Место у «Головы дракона» он заранее зарезервировал — это была лучшая позиция, прямо напротив сцены. Здесь не было лишних людей, идеальное место для того, чтобы насладиться представлением и чаем.

Посадив Чжэнь Цюня на место, Хань Мяо отошел. Оглядевшись, Чжэнь Цюнь заметил, что в этом здании было тише, чем снаружи. Хотя и здесь были зрители, аплодирующие актерам, шума было меньше.

Заметив, что Чжэнь Цюнь осматривается, Хань Мяо с улыбкой объяснил:

— Сегодня здесь показывают представление марионеток на нитях. Как только эта девушка закончит петь, начнется спектакль.

Этот театр Хань Мяо выбрал не случайно. Чжэнь Цюнь, с его характером, вряд ли заинтересовался бы рассказами, пением или традиционными мелодиями. Борьба и акробатика были слишком энергичными, а кукольный театр — идеальный выбор для новичка, чтобы расслабиться и отдохнуть.

Сказав это, он попросил слугу принести несколько закусок. Вскоре на столе появилось множество угощений: каштановые пирожные, железные шарики, семицветные булочки, а также местные деликатесы — разноцветные конфеты и маринованный имбирь. Все это выглядело настолько аппетитно, что Чжэнь Цюнь сразу схватил палочки, чтобы попробовать.

Увидев, как быстро он ест, Хань Мяо рассмеялся:

— Не ешь слишком много, после спектакля мы еще пойдем в трактир.

Услышав о следующем приеме пищи, Чжэнь Цюнь замедлил темп и переключил внимание на сцену. Девушка вскоре закончила петь, и на сцене появились марионетки. Они танцевали, сражались, а изредка раздавались звуки грома и появлялся дым. Спектакль был настолько увлекательным, что Чжэнь Цюнь даже перестал есть, чтобы не пропустить интересные

моменты.

Этот вид напоминал белку, которая, отвлекаясь, продолжает жевать. Хань Мяо с трудом сдерживал смех, наливая ему чашку личиевого сиропа, и пояснил:

— Этот «Великий дух» Сунь Эра особенно интересен, скоро будет кульминация...

Не успел Хань Мяо закончить, как раздался резкий смех:

— Я думал, кто это, а это же старший сын Западной ветви Хань!

Это приветствие было крайне грубым. Хань Мяо повернулся к говорящему. Перед ним стоял невысокий юноша, который с высокомерием подошел ближе. Неподалеку стояли несколько его ровесников, с интересом наблюдавших за происходящим.

Эти провокационные слова не разозлили Хань Мяо, он лишь с легким сожалением улыбнулся:

— Прошу прощения, могу ли я узнать, с кем имею честь говорить?

Эти слова заставили собеседника покраснеть. Юноша сжал кулаки и сердито сказал:

— Я Хань Ляньцян из третьей ветви! Разве ты не учился в нашей семейной школе? А теперь прикидываешься, что не знаешь меня!

Хань Мяо сделал вид, что вспомнил:

— Ах, это же шестой брат! Я подумал, что это какой-то невоспитанный мальчишка. Как, в этом году не нужно готовиться к экзаменам?

Хань Ляньцян скрипел зубами. Что он имел в виду? Насмехается ли он над тем, что он снова провалил экзамены, или хвастается своим успехом?

Однако, стоя перед одноклассниками, Хань Ляньцян не хотел терять лицо и, сжав зубы, выдавил:

— Экзамены — это скучно. Лучше заниматься бизнесом. Мой отец теперь управляет чайным домом, и я тоже хочу научиться у него.

Чайный дом, который он забрал у Западной ветви Хань! Что толку в уме, если ты не из главной ветви и тебя никто не поддерживает? Хань Ляньцян, сказав это, почувствовал уверенность и снова поднял голову, наполняясь высокомерием.

Хань Мяо остался невозмутим, лишь вздохнул:

— Учиться у твоего отца и брата — не лучшая идея. Ну что ж, бедность воспитывает характер.

Хань Ляньцян едва не задохнулся от гнева:

— Что ты имеешь в виду? Ты завидуешь, что чайный дом теперь в руках третьей ветви?!

Хань Мяо приподнял бровь:

— Ты не знаешь, что происходит с чайным домом?

Хань Ляньцянь растерялся. Он действительно не знал. Что случилось с чайным домом? Всего два месяца назад они взяли его под контроль. Неужели отец и брат плохо управляют им?

Увидев, как собеседник замолчал, Хань Мяо не стал продолжать и с улыбкой сказал:

— У меня есть гость, так что я не буду тебя задерживать, шестой брат. Проходи.

Оставшись с пустыми руками, Хань Ляньцянь разозлился и закричал:

— Я не стану спорить с тобой! Таким, как ты, только и остается, что водить мальчиков на пирушки. Когда мой отец возьмет под контроль торговый дом, ты узнаешь, кто тут главный...

Не успел он закончить, как Чжэнь Цюнь «пфф» выплюнул еду. Крошки попали ему в горло, и он начал кашлять. Хань Мяо сразу же похлопал его по спине, а его взгляд на Хань Ляньцяня стал ледяным:

— Даосский наставник — наш почетный гость, шестой брат, выбирай выражения.

Хань Ляньцянь никогда не видел Хань Мяо таким мрачным и сразу замолчал. Что происходит? Этот мальчик, которого Хань Мяо привел в квартал развлечений, так заботливо угощал и обслуживал, — разве это не признак слишком близких отношений?

Хань Мяо не собирался отпускать его и холодно сказал:

— Если родители не могут научить тебя хорошим манерам, я найду, кто это сделает.

С этими словами он кивнул своему слуге, и Аньпин с другими слугами окружили Хань Ляньцяня. Тот, никогда не видевший Хань Мяо в гневе, испугался до смерти, не посмел больше ничего сказать и, поджав хвост, сбежал вниз.

Когда глупец ушел, Хань Мяо наклонился к Чжэнь Цюню и с легким сожалением спросил:

— Брат, ты в порядке?

Он чувствовал себя неважно. Чжэнь Цюнь чуть не задохнулся. Это было слишком страшно! Что произошло? Он же ничего не сделал, как его могли так быстро раскусить?

Даже без особых знаний Чжэнь Цюнь понимал, что означает слово «содержанка». С тревогой взглянув на сидящего напротив Хань Мяо, он внутренне закричал. Он ведь еще не подписал контракт! И уж тем более не занимался с ним постельными делами! Как кто-то мог сразу понять их отношения?!

Подождите, наверное, у господина Ханя был опыт! Да, такой богатый человек, уже за двадцать, а еще не женат, и в доме нет женщин — это явно признак проблемы! Неужели он тоже последователь «дела генерала»?

Нельзя винить Чжэнь Цюня за такие мысли. В его времена мужская любовь была обычным делом. В эпоху Великой Чжао Тай-цзу и генерал И Да были явной парой, и историки никогда не скрывали этого. Именно поэтому за последние пятьсот лет мужская любовь, хотя и не была особенно распространена, никогда не подвергалась осуждению, и постепенно появились две категории людей: «последователи Тай-цзу» и «последователи генерала». Первые могли жениться и иметь детей, но также проводили жизнь с мужчинами. Вторые же избегали женщин и не заботились о потомстве.

Хань Мяо: Ты точно не хочешь купить?

Даосский наставник: Даже с деньгами нельзя так расточительствовать!!

Кхм, кхем. Выяснилось, что некоторые читатели плохо представляют стоимость денег. В эпоху Сун деньги имели высокую покупательную способность. Месячная зарплата уездного чиновника составляла всего 15 гуань (примерно 4 500 юаней, не считая льгот). Сто с лишним гуань — это 30–40 тысяч за стеклянную бутылку, и Цюнь считает это дорогим, что вполне нормально.

<http://bllate.org/book/16827/1547245>